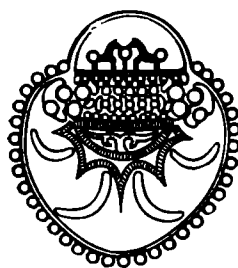

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

УСРУШАНСКИЙ ЗАМОК В ШАХРИСТАНЕ

Ура-Тюбинский район, некогда входивший в состав области Усрушана¹, является в археологическом отношении одним из богатейших районов современного Таджикистана. Здесь среди других памятников материальной культуры первостепенное значение имеют два городища, известные среди местного населения под названиями Калаи-Кахкаха, Калаи-Боло или Иски-Курган. Оба городища обследованы в 1949 и 1950 гг. Усрушанским отрядом Таджикской археологической экспедиции².

Городища расположены к западу от селения Шахристан, на левом (западном) берегу Шахристансая, у отрогов гор. Они стоят на крутой возвышенности высотой около 70 м, сложенной из палеозойских, кремнисто-глинистых сланцев, образующих со стороны сая ряд крутых, скалистых выступов. Западная сторона городищ более пологая. Терраса, на которой стоят оба городища, перерезана с востока на запад глубокой ложиной.

Второе, несколько меньшее по размерам городище расположено южнее, непосредственно за обрывом на той же террасе. Терраса, на которой стоит это городище, почти лишена лёссовых отложений. В плане (рис. 1) городище представляет собой почти правильный четырехугольник. Оно было обведено с запада и юга двойными, а с севера и востока одинарными стенами. Ворота располагались с западной стороны. В северо-восточном углу городища, примыкая вплотную к восточной стене, находился холм, высотой около 7 м, довольно правильных очертаний. Более пологий, восточный его склон имел два выступа, а с северо-западной стороны заметна небольшая западина. Остальная территория городища довольно ровная, с выходами галечника на поверхности.

В течение полевых сезонов 1955—1957 гг. Ходжентско-Усрушанским отрядом Таджикской археологической экспедиции почти полностью раскопан главный холм городища. В итоге работ оказалось, что под холмом скрываются остатки небольшого укрепленного замка, располагавшегося уступами. Все три этажа здания существовали одновременно и последовательно связывались между собой посредством пандуса. Нижний конец пандуса выходил в помещение, игравшее роль вестибюля, откуда через широкий арочный проем можно было попасть во внутренний дворик, который отделялся от остальной части городища стеной. Ее остатки в настоящее время прослеживаются в виде невысокого вала.

Подводя итоги трехлетних работ, на основе добытых археологических материалов можно сделать вывод о функциональной обособленности каждого «этажа» здания. Так, верхний этаж состоял из парадных

¹ Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Тр. АН ТаджССР, т. LV, Сталинабад, 1957.

² О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Тр. ТАЗ, т. II. МИА, № 37, 1953, стр. 189—230.

помещений, средний имел хозяйственное назначение, комнаты нижнего этажа (кроме вестибюля) являлись собственно жилыми.

В настоящей статье мы будем говорить лишь о последнем этапе существования замка, не касаясь вопросов перестроек и первоначального его вида (рис. 2).

Верхний ярус-этаж состоит из парадной четырехкомнатной постройки. Самое крупное помещение ($5,35 \times 5,25$ м) — центральное (№ 1), из него можно попасть в западное, южное и северное помещения. Вдоль северной, западной и южной стен центральной комнаты тянутся широкие суфы. В северо-западном и юго-западном углах помещения находят-

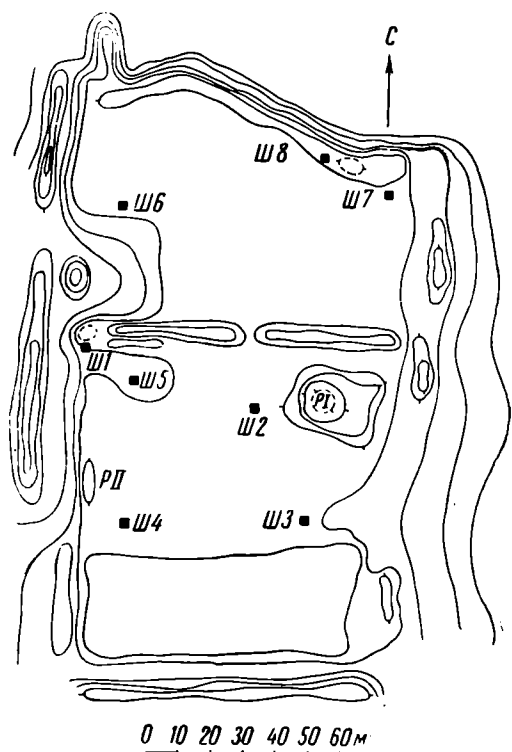

Рис. 1. Городище Кяхкаха II (план)

р — раскоп; ш — шурф

$3,30 \times 3,73$ м. Вдоль трех стен его, кроме восточной, также расположены суфы. Восточный край суфы, примыкающий к северной стене этой комнаты, имеет тонкую кирпичную перегородку — барьер, отделяющий суфу от прохода. Дверной проем в это помещение имел деревянный порог, концы которого заделаны в нишки в стенах.

Проем в северо-восточном углу центрального помещения ведет в небольшое помещение № 3. Порог этого проема двойной, сделанный из арчи. Стены этого помещения сохранились на очень небольшую высоту и прослеживаются не со всех сторон.

Из центрального помещения длинный проход ведет на запад, в помещение № 4. Проход имеет двойной деревянный арчевый порог, концами уходящий в стены. Между порогами пол прохода выстлан сырцовым кирпичом ($38 \times 26 \times 9$ см) и сверху обмазан глиной. Завал прохода состоял из лёсса, кусков обгорелых кирпичей, массы мелких угольков, фрагментов полуобгоревшего дерева; на полу найдено много кусков обгоревшей штукатурки со следами различных красок. Размер помещения № 4 — $7,10 \times 7$ м. Вдоль южной, восточной и северной стен располагаются суфы, сложенные из сырцовых кирпичей $52 \times 27 \times 9$ см. В середине помещения вскрыта квадратная вымостка ($1,2 \times 1,2$ м) высотой 35 см, на ее поверхности прослеживается край выемки, заполненной зо-

ся пилоны, асимметрично расположенные по отношению к проему, ведущему в западное помещение. Углы пилонов имели уступы, а на поверхности суф обнаружены ямки, заполненные углем. Такие же ямки, заполненные углем, зафиксированы в специально сделанных для этого уступах в суфах. По всей вероятности, это остатки сгоревших колонн, поддерживавших плоское деревянное перекрытие помещения. Все внутренние стены помещения тщательно заштукатурены глиняной обмазкой в несколько слоев. По штукатурке была нанесена многоцветная роспись. Штукатурка стен, обмазка пола и суф сильно обожжены пожаром, охватившим весь замок. В завале над полом обнаружено большое количество обуглившихся кусков деревянного перекрытия и упомянутых выше колонн, украшенных резьбой.

Проем в юго-восточном углу помещения № 1 ведет в небольшое помещение № 2, размером

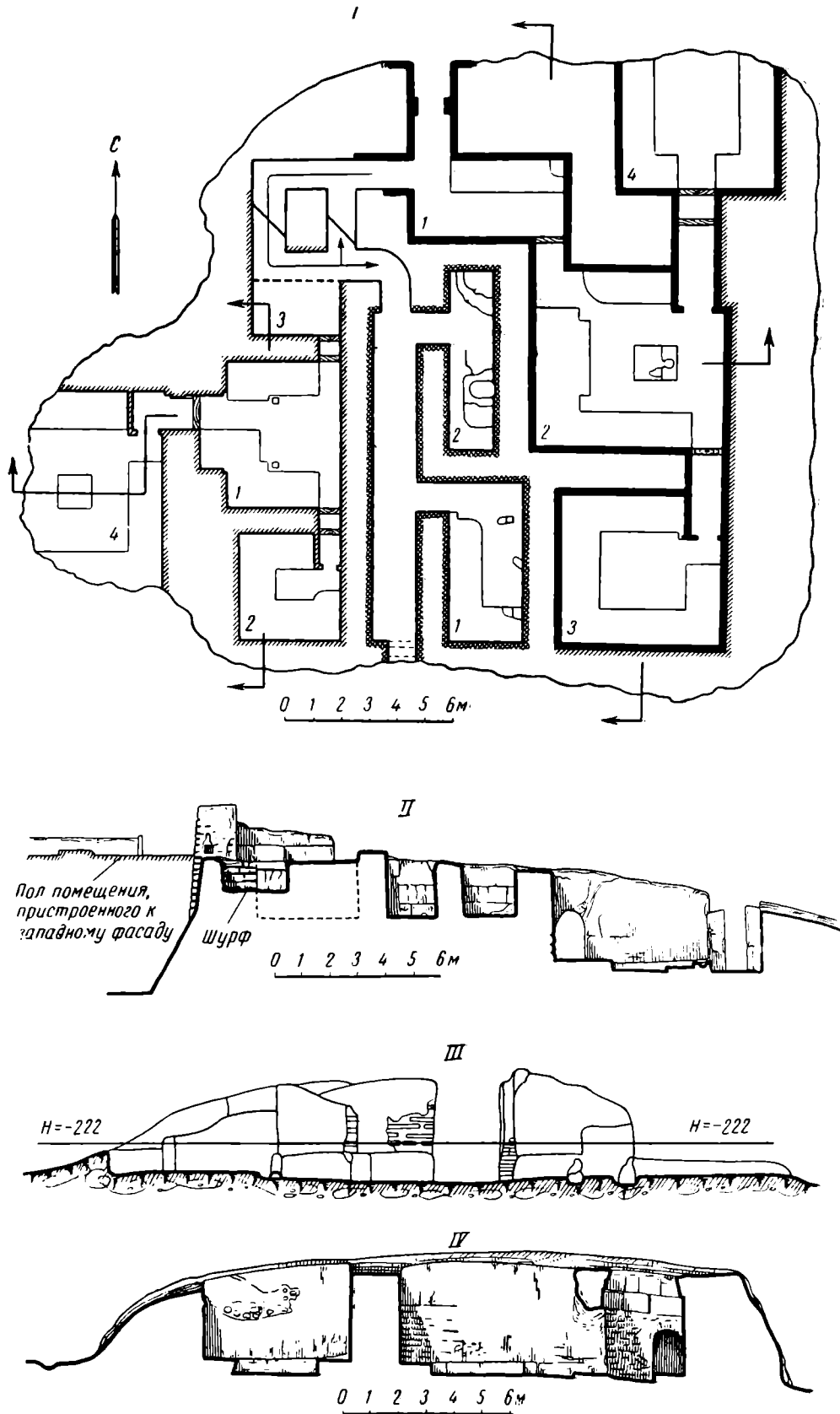

Рис. 2. Городище Кяхкаха II. План и разрезы замка последней реконструкции
 I — план; II — разрез З — В (вид на север); III — разрез Ю — С по верхнему ярусу (вид на запад); IV — разрез Ю — С по нижнему ярусу (вид на запад)

лой. Вероятно, эта кирпичная вымостка с ямой на поверхности служила обогревательной жаровней; об этом говорят ее расположение в центре помещения, наличие вокруг нее широких суф-лежанок, а также выемка с золой. На восточной стене помещения № 4 также сохранились обгоревшие следы красок, а в завале над полом встречены куски обуглившегося дерева.

Как уже говорилось, центральное и западное помещения верхнего этажа были богато украшены настенной живописью и резным деревом. Роспись по штукатурке обгорела; она сохранилась в виде отдельных пятен красок и небольших фрагментов на южной и западной стенах центрального помещения, а также на восточной стене помещения № 4. Лучшее сохранился фрагмент росписи на южной стене центрального помещения. Здесь изображена фигура босого шагающего мужчины, одетого в длинное широкое платье, обтянутое передником. Между ступнями ног изображен нижний конец упирающегося в землю древка копья (?). Фигура скорее всего изображала воина и довольно близка изображению воина на простенке «Д» центрального зала второго храма городища древнего Пенджикента³. Низ настенной росписи был оконтурен широким бордюром из двух полос, состоящих из одинаково удаленных друг от друга кружков светлого тона, промежутки между ними закрашены по шаблону красновато-коричневой краской. Пространство между полосами из перлов заполнено волютообразными завитками, каждый из которых заканчивается цветком в виде трилистника, а треугольное пространство между завитками заполнено изображением крупного цветка. Такой бордюр шел вдоль всех стен центрального помещения, несколько выше уровня суф. Этот бордюр в основном аналогичен меандровому бордюру на стенах северного крыла айвана второго храма городища древнего Пенджикента⁴, различие между ними состоит лишь в орнаменте среднего пространства. Бордюрная кайма является распространенным приемом окантовки в пенджикентской живописи⁵. Аналогичная бордюрная кайма (по низу) имеется и на росписи Восточного зала варахшского дворцового комплекса⁶.

Деревянные колонны и балки перекрытия, а также обрамляющие эти балки карнизы были украшены резьбой геометрического и растительного орнамента, изображениями человеческих и фантастических фигур. Все деревянные конструкции сделаны из арчи, этого «вечного дерева, изобилующего и поныне на склонах предгорий Туркестанского хребта»⁷.

Колонны были украшены фигурными изображениями. На одном обуглившемся фрагменте (размером 70 × 20 × 12 см) была изображена рельефная стоящая мужская фигура, у которой голова и нижние конечности не сохранились. Туловище человека вырезано очень искусно, тонко переданы все детали тела и одежды. Боковые поверхности фрагмента украшены насечками и пальметками. Судя по расположению фигуры, фрагмент, несомненно, принадлежал одной из колонн помещения.

Карнизы, обрамляющие потолок помещения, украшены арочками и изображениями фантастического существа. На одном фрагменте плахи от резного фриза (длина плахи — 37 см, ширина — 12 см) изображен мужской торс с отходящими влево и вправо змеевидными завитками-

³ См. сб. «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, табл. XVII.

⁴ А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 4, рис. 10.

⁵ Сб. «Живопись древнего Пенджикента», табл. VII—X, XI, XXIV—XXIX, XXXII, XXXVI, XXXVII, XXXIX.

⁶ В. А. Шишкин. Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.). СА, XXIII, 1955, стр. 111, рис. 6.

⁷ Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии. М., 1947, стр. 31, прим. 1.

ногами (рис. 3). Грудь и голова фигуры не сохранились. Изображение расположено на плахе, которая скорее всего принадлежала подбалочному карнизу. Это изображение имеет близкую аналогию (почти точную копию) в рельефной скульптурной панели айвана второго храма городища древнего Пенджикента⁸. Близкая параллель фигуре человека со змеевидными хвостами вместо ног имеется в скульптурных изображениях в Северном Афганистане, в частности в скульптурных украшениях архитектуры Беграма (Шоторак)⁹.

Подбалочному же карнизу принадлежит другой крупный обломок плахи (длина — 67 см, ширина — 25 см, толщина — 7 см), на поверхности которой вырезан ряд крупных арочек, увитых изнутри, по-видимому,

Рис. 3. Фрагмент обуглившегося резного дерева

виноградными листьями. Арочки вырезаны в виде выпуклой полосы, сверху и снизу окаймлены полосами из косых перекрещивающихся насечек. Внутреннее пространство арочек, совершенно гладкое, не было занято рисунком. Арочки, опирающиеся на колонки и капители и заполненные внутри человеческими изображениями, встречаются в орнаменте биянайманских оссуариев¹⁰, однако ни одна из арок на оссуариях в точности не повторяет арочки на нашем деревянном карнизе. Но зато последние имеют ближайшую аналогию с арочками на стене оссуария с Афрасиаба¹¹ из коллекции ГИМ. Полную аналогию мы находим только в росписи простенка «В» второго храма древнего Пенджикента, в так называемой «сцене оплакивания»¹².

Что же касается многочисленных фрагментов балок, то они украшены наиболее простым и распространенным орнаментом. Обычно на боковых сторонах вырезаны четырехлепестковые розетки, а на третьей, нижней стороне балок вырезаны «крестики» и розетки одновременно.

Все обгоревшее дерево обнаружено в беспорядочном состоянии на разных уровнях завала в помещениях. Выяснить систему перекрытия не удалось.

Таким образом, в Шахристане мы имеем один из древнейших образцов резных потолков. Во внутреннем убранстве центрального помещения (роспись стен, резьба колонн и потолка) человеческими и фантастически-

⁸ А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 44, 45, рис. 9, 2.

⁹ J. Meunier. Schotorak. Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan (MDAFA), т. X, Paris, 1942, рис. XXXVII.

¹⁰ Б. Н. Кастальский. Бия-Найманские оссуарии. Самарканд, 1908; А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, № 2 (3), 1938, стр. 129, рис. 2; стр. 136, рис. 11; А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях. ТОВГЭ, т. II, Л., 1940; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Сообщ. Института истории и теории архитектуры, вып. 8, М., 1947, стр. 37, рис. 1.

¹¹ А. С. Стрелков. Оссуарии Гос. Исторического Музея. Искусство Средней Азии. М., 1930; В. Л. Воронина. Ук. соч., стр. 41, рис. 4.

¹² Сб. «Живопись древнего Пенджикента», табл. XIX—XX.

ми изображениями, геометрическим и растительным орнаментом было бы неверно видеть разрозненные, не связанные между собой отдельные детали. Во всей композиции внутреннего убранства помещения чувствуется определенное единство. Здесь налицо согласованная работа живописца и резчика, с одной стороны, и комбинированное использование в настенной живописи и резьбе по дереву геометрического, растительного и фигурного мотивов орнамента, с другой.

Роспись и резное дерево постройки, несомненно, одновременны. Выше мы отметили аналогии между пенджикентской живописью и шахристанской росписью, пенджикентской глиняной скульптурой и шахристанской деревянной скульптурой. Отмечено сходство арочек в живописи (в Пенджикенте) и на дереве (в Шахристане). Известная аналогия отмечена в деталях с росписью Варахши. Живопись Варахши и Пенджикента приблизительно одновременна. Скульптуру Пенджикента А. М. Беленицкий считает более ранней, чем относящуюся к последнему этапу существования Пенджикента живопись, и поэтому склонен датировать ее VI в. н. э.¹³

Биянайманские оссуарии, рельеф которых свидетельствует о наличии арочного мотива, датируются VII в. н. э.¹⁴ Учитывая все это, шахристанское резное дерево и роспись следует датировать VI—VIII вв., скорее всего VII—VIII вв. н. э.¹⁵ Дополнительным основанием к этому служит одинаковая техника нанесения росписи по штукатурке во всех трех отмеченных пунктах, а также некоторое сходство шахристанского дерева с деревянными изделиями из Пенджикента.

Таким образом, перед нами новый пункт древнетаджикской художественной культуры. Теперь в Пенджикенте и Шахристане мы имеем два одновременных очага резьбы по дереву. Они, по всей вероятности, и послужили исходными пунктами последующего развития искусства резьбы по дереву, наиболее совершенными образцами которого являются известные верхнезеравшанские михраб и колонны.

Большое совершенство форм и техники резьбы свидетельствует о наличии местной усрушанской художественной школы и о глубоко укоренившейся традиции этой отрасли искусства. Находки резного дерева в Пенджикенте и Шахристане VII—VIII вв. позволяют несколько углубить хронологические рамки бытования согдийско-усрушанского резного дерева. Как известно, до этого не были известны образцы старше IX—X вв., а причиной этого справедливо считалась недолговечность материала. Разрушительный пожар оказал неоценимую услугу археологии, сохранив ценнейшие образцы древнейшей резьбы по дереву.

Перейдем к описанию среднего яруса замка. Средний ярус расположен к востоку от верхнего и стоит ниже него. Центральным звеном среднего яруса является длинный коридор, тянущийся с юга на север. Длина коридора — 11,9 м, ширина — 1,6 м. Стены коридора возведены из глинобитных разрезанных блоков, с обмазанной тонким слоем глины гладкой поверхностью. Коридор был перекрыт сводом из сырцовых кирпичей. В северном конце коридор при помощи двух выступов по обеим сторонам резко сужается до 1,03 м. Далее он полукругом поворачивает на запад и переходит в пандус (рис. 4, 1). Поворот коридора сложен также из блоков, но меньшего размера. В верхней части стены закругляющейся части коридора и упомянутого выше пилонa сохранилась пя-

¹³ А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 46—47.

¹⁴ А. Я. Борисов. Ук. соч., стр. 31—33, 39; В. Л. Воронина. Ук. соч., стр. 36.

¹⁵ Признаком принадлежности шахристанской росписи и резного дерева к предисламскому времени является наличие не принятого при исламе изображения человеческих фигур как в росписи, так и на дереве. Отметим также, что верхние части всех фигур преднамеренно сбиты, что, очевидно, сделано руками мусульманских воинов при завоевании края арабами (это наблюдается и в Пенджикенте). Самый факт пожара постройки, вероятно, связан с этими событиями.

та свода, сложенная из трех-четырех рядов кирпича, выступающих один над другим. Ступенчатая поверхность пяты была обмазана глиной.

От южного конца коридора сохранилась часть бесступенчатого подъема, ведущего на крышу помещений.

Дверной проем шириной в 1,10 м в восточной стене коридора ведет в продолговатое помещение № 1 размером 6,0 × 2,7—2,8 м. Сохранность стен хорошая, они сложены также из глинобитных блоков. Вдоль западной и южной стен тянутся суфы. Западная суфа помещения около входа имела маленькую приступочку прямоугольной формы. На краю западной суфы найдены остатки обгорелого кожаного изделия с рядом мелких отверстий по краям. Очевидно, это — заготовка головки ичигов.

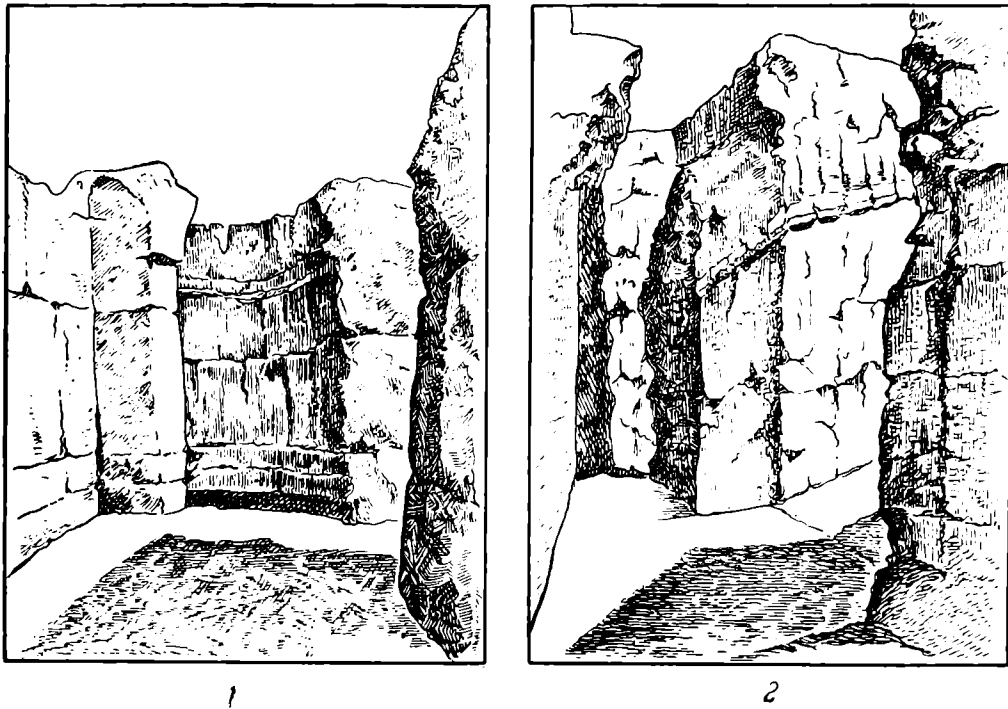

Рис. 4.

1 — поворот коридора в пандус; 2 — пандус

В северо-восточной части помещения сохранились остатки сильно разрушенного большого очага, выложенного из кирпичей. Эта часть помещения сильно обожжена. Из керамических находок, сделанных в этом помещении, следует отметить обломки раздавленного хума с двумя ручками и сливом и волнистым орнаментом на плечиках и обломки кувшина с одной ручкой и чуть примятым сливом.

В восточной же стене коридора, перед самым поворотом, имеется второй проем, ведущий в небольшое узкое длинное помещение № 2. Размер помещения 6,25 × 1,60 м. Стены сложены из тех же глинобитных блоков.

В этом помещении сохранился своеобразный очаг, состоящий из неглубокой округлой жаровни — чаши с низкими толстыми стенками. Внутри жаровня обмазана глиной с большой примесью крупной дресвы. По обеим сторонам имеются плоские глиняные вымостки с закругленными углами высотой в 3—4 см. Вымостки от жаровни были отделены тонкими загородками, идущими перпендикулярно стенам помещения. Между загородками, в стене помещения над жаровней, сделано углубление, в результате чего очаг несколько вдается в глубь стены. На южной вымостке обнаружены обломки глиняной сковородки. По свидетельству рабочих, такие очаги имеются в Матче и поныне. При изготовлении пищи на очаг, непосредственно на угли, ставится котел или другая посуда, а после зола и угли выгребаются, и на гладко обмазанном и горячем дне жаровни пе-

кут лепешки. Стенки и дно жаровни, вымостки и найденная сковорода сильно обожжены, часть стены помещения над очагом закопчена. Очаг и все пространство вокруг него было заполнено золой. Остатки кострища сохранились и в северо-восточном углу помещения. Совершенно очевидно, что помещение служило кухней.

Нижний ярус-этаж состоит из трех помещений и одного айвана, открывающегося на север, во внутренний дворик. Два из трех (№№ 2 и 3) помещений и айван располагаются анфиладой, третье помещение (№ 1) связано проходом с центральным и располагается несколько в стороне. Помещение № 1 ($5,30 \times 2,65$ м) прекрасно сохранилось. Вверху его стены были сложены из крупных пахсовых блоков, длиной $1,10-1,15$ м, толщиной в $0,70-0,75$ м, ниже шла кирпичная кладка, каждый ряд которой чередовался с тонким пахсовым слоем. Размер кирпича — $48-52 \times 25-26 \times 8-10$ см, толщина пахсы — $12-15$ см. Каждый слой из пахсы и кирпича отделялся от вышележащего и нижележащего слоев вырезанным желобком, треугольным в сечении. Желобок вырезан так, что одна его грань лежит на плоскости кирпича нижележащего слоя, а другая вырезана в слое тонкой пахсы под углом 45° . Прорези-желобки тянутся горизонтальными линиями по всей поверхности стен помещения. Расстояние между рядами желобков $22-26$ см. Поверхность пахсово-кирпичной и крупноблоковой кладки покрыта слоем штукатурки. В верхней части южной и северной стен сохранились пяты свода, перекрывающего помещение. Высота помещения до пяты свода — $3,32$ м. Ниже пяты свода стены имеют выступ — фриз, толщиной $4-5$ см, шириной 42 см. Фриз, по-видимому, рассчитан на то, чтобы несколько сократить пролет сводчатого перекрытия и создать ему большую опорную поверхность. Пята сложена из нескольких рядов сырцового кирпича, выложенного по принципу ложного свода. Поверхность пяты свода и фриза также была покрыта глино-саманной штукатуркой, сохранившей следы пальцев рук, в виде пересекающихся под прямым углом линий, эффектно выделяющих фриз и пяту из общего фона стен. Было замечено, что полосы соответствуют швам между кирпичами и тем самым маскируют их.

Вдоль северной стены помещения тянулась суфа шириной $1,1$ м, высотой 30 см. В восточном конце ее располагалась яма неровных очертаний, заполненная золой. Возможно, что в углу помещения находилось какое-то обогревательное сооружение. Пол комнаты был покрыт слоем глиняной обмазки, под которой выступала кое-где галечная подсыпка. На полу залегал толстый слой золы, угля и сгоревшего самана.

Из помещения имелся выход наружу, во внутренний дворик. Таким образом, это помещение вполне можно считать передней комнатой, вестибюлем всего здания. Из этого же помещения можно было через крытый пандус попасть во второй и третий этажи.

Довольно хорошо сохранился свод главного проема. Как удалось выяснить, он опирался на «полочку» из одного ряда кирпичей, положенных плашмя. Поверх нее лежала кладка из пяти рядов кирпича, положенных плашмя, длинной стороной наружу таким образом, что благодаря нарочито неровному слою промазки между кирпичами одна сторона кладки заметно приподнята. На эту пяту опирались кирпичи свода, лежащие плашмя, торцовой стороной наружу.

Помещение № 2 является центральным в нижнем этаже. Оно представляет собой большую комнату ($6,0 \times 6,5$ м), с суфами вдоль трех стен. Главная суфа, примыкавшая к западной стене, имела вид широкой эстрады (ширина — $1,9$ м) с двумя прямоугольными вырезами по углам. Северная суфа была значительно уже — 117 см. Один конец ее (западный), плавно закругляясь, примыкал к проему в помещение № 1, другой упирался в загородку — тамбур, из которого шел коридорообразный проход в северный айван. Суфа вдоль южной стены непосредственно соединялась с эстрадой.

Стены удалось проследить всего на высоту 100—120 см выше уровня пола. В некоторых местах (в частности, на западной стене) удалось высоко над полом обнаружить небольшой участок пахсовой кладки. В других местах стены, видимо, сильно попорчены более поздними впускными погребениями. Характер кладки нижней части стен точно такой же, как в помещении № 1, т. е. чередующиеся слои из тонкой пахсы и ряда кирпича, отделенные желобком-нарезкой. Поверх сырой штукатурки пальцами проведены ряды рельефных арок, расположенных в шахматном порядке¹⁶. До указанной высоты стены и примыкающие к ним суфы, а также пол сохранились прекрасно. Их поверхности сильно обожжены рухнувшей при пожаре кровлей. Ее остатки (в виде обуглившихся круглых в сечении жердей, комьев обгорелой глины с выгоревшим тростником внутри) толстым слоем покрывали пол и суфы помещения. Кровля, по-видимому, опиралась на столбы-колонны, основания которых в виде куч крупного угля найдены в четырехугольных выступах западной суфы-эстрады. Два другие столба могли располагаться в восточной половине помещения.

В центре помещения располагался своеобразный очаг, имевший, видимо, как хозяйственное, так и обогревательное назначение. Западная его половина представляла собой прямоугольное глиняное возвышение (высотой 3—4 см), в восточной стороне находилась, занимавшая треть всей площади очажная часть в форме высокого (41 см) прямоугольника с округлым углублением (диаметр 28 см) для огня. Внутренняя поверхность углубления обмазана глиной и сильно прокалена. Неширокое устье очажка выходит на возвышение. Очаг сохранился не полностью: к очажной части примыкал с юга какой-то выступ из кирпича, шириной в 26 см (остальные промеры были невозможны из-за плохой сохранности). На глинобитном возвышении очага, непосредственно на нем самом и вокруг на полу, найдено большое количество обгорелых черепков как тонкостенной посуды, так и крупных хозяйственных сосудов.

Пол помещения сильно обожжен. Так же, как в помещении № 1, под его обмазкой залегал слой материковой гальки.

В северо-восточной части помещения северная суфа своей торцовой стороной примыкает к тамбуру, выходящему из помещения № 2 на север. Стенки тамбура очень тонкие, всего 14,5—17,5 см, сохранились на высоту 70—90 см (т. е. только обгорелая часть). Выше поверхность его стен совершенно не прослеживается. Проем, ведущий в тамбур, несколько сужен двумя перпендикулярно стоящими стенками, не имел порога и, по-видимому, навесной двери. Вероятно, такие же тамбуры-загородки имели место в помещениях верхнего этажа (№№ 2 и 4), но там они сохранились на небольшую высоту. Подобные тамбуры неоднократно встречаются при раскопках помещений на городище древнего Пенджикента¹⁷. Делались они, вероятно, для того, чтобы отгородить суфы от дверного проема.

В юго-восточном углу помещения длинный коридорообразный проем ведет в помещение № 3, отделенное от помещения № 2 двойной стеной. Коридор начинается деревянным порогом, концы которого заделаны в специальные нишки в стенах. В восточной стене проема имеется желоб, в нем помещался стояк от дверного косяка. Коридор оканчивается в помещении № 3 тамбуром, его стенка имеет толщину 14—17 см. В проходе в помещение тамбур сужается с 106 до 69—70 см благодаря выступу в стене тамбура и выступу, пристроенному к основной стене здания. Помещение по форме почти квадратное (5,2 × 5,5 м), вдоль всех четырех

¹⁶ Аналогичные арочки украшали главный зал объекта № 7 городища древнего Пенджикента.

¹⁷ Например, помещение № 13 объекта III. См. В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. Архитектурное наследство, № 8, 1957, стр. 120, рис. 4.

стен тянутся суфы, сложенные из пахсовых блоков и заштукатуренные сверху. Стены сложены так же, как в помещениях №№ 1 и 2, т. е. внизу стена начинается слоем, состоящим из тонкой пахсы и ряда сырцового кирпича. Каждый слой отделен от другого врезным желобком, расстояние между ними 18—20 см. Сохранность стен очень плохая; это помещение почти не пострадало от пожара. В обрезах над сохранившимися участками стен хорошо видны линзовидные прослойки завала, следы могил-катакомб от поздних впускных погребений. В основном они и разрушили стены помещения. Так же, как в помещении № 2, стены покрыты несколькими слоями штукатурки с большой примесью самана, общей толщиной 1,2 см. Нижний слой ее местами украшен рельефными арочками (как в помещении № 2), верхний слой — местами гладкий, местами сохранился выпуклый рельефный рисунок, состоящий из плавных волнистых линий (содержание изображения разобрать не представляется возможным). Интересно оформлена стена тамбура, обращенная внутрь комнаты, ее украшает прямоугольное рельефное панно, а наружный угол тамбура — кунгра (рис. 5).

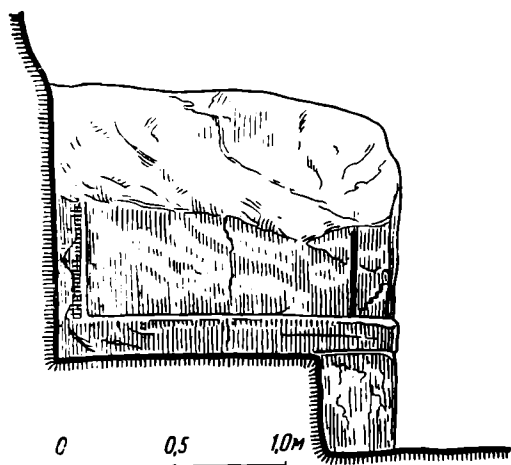

Рис. 5. Стенка тамбура

Перекрытие помещения деревянное, большое количество обгорелых балок (толщиной 6—9—12 см) найдено при зачистке пола и суф.

Через узкий коридорообразный проход в северо-восточном углу помещения № 2 можно попасть в северный айван, выходящий своей открытой стороной во внутренний дворик.

Хорошо сохранился двойной двойной проем в тамбуре. Пол его выстлан деревянными плахами, в стенах на сохранившуюся высоту имеются желобки с остатками дерева, служившие для вертикальных дверных стоек. Стены коридора-тамбура и частично самого айвана обожжены. Айван от помещения № 2 отделяет двойная толща стен, сложенных из пахсовых блоков, с заштукатуренной поверхностью. Штукатуркой (по крайней мере, двумя слоями) были покрыты стены коридора: нижний слой имеет рельефные арочки, однако значительно меньшие по размерам, нежели в помещениях №№ 2 и 3. Сохранность стен в айване лучшая, чем в помещениях и коридоре-тамбуре, особенно в западном крыле айвана, где они легко прослеживаются на высоту 2,25—2,30 м. Вдоль стен тянутся суфы, шириной в 1,20—1,30 м, высотой 46—50 см, сложенные из пахсовых блоков, с остатками штукатурки.

Северные концы суф, а равно и стены не сохранились, уровень пола выступает на дневную поверхность.

Как уже указывалось, все три яруса дома связаны между собой пандусом, расположенным в северо-западной части здания. Пандусный бесступенчатый подъем начинался из вышеописанного переднего помещения нижнего яруса. Первое его колено (длина — 5,3 м) ведет на запад, затем поворачивает на юг и переходит во второе колено, которое тянется на 3,3 м; уже третье колено на расстоянии 2,75 м выходит в коридор среднего яруса.

Одновременно поворотом на север продолжается подъем в верхний ярус. По своду первого нижнего колена пандуса проходит пятое колено на запад. Последнее, шестое колено, расположенное на своде второго, нижнего колена, выводит на юг в боковое помещение (№ 3) верхнего яруса. Стены и центральный столб пандусного коридора сложены также из гли-

нобитных блоков и были перекрыты сводом из сырца. Сохранился свод первого и второго нижних колен.

Пята свода пандуса выложена иначе, чем пята закругляющейся части коридора среднего яруса. Свод здесь опирается на выступающую полочку, образованную из одного ряда кирпичей, положенных плашмя. Сам свод выше полочки сложен из кирпичей на торцевой стороне, а наверху замыкается замковым кирпичом.

Пандусный коридор, кроме первого и второго его колен, был заполнен завалом кирпичей свода как самого пандуса, так и помещения верхнего

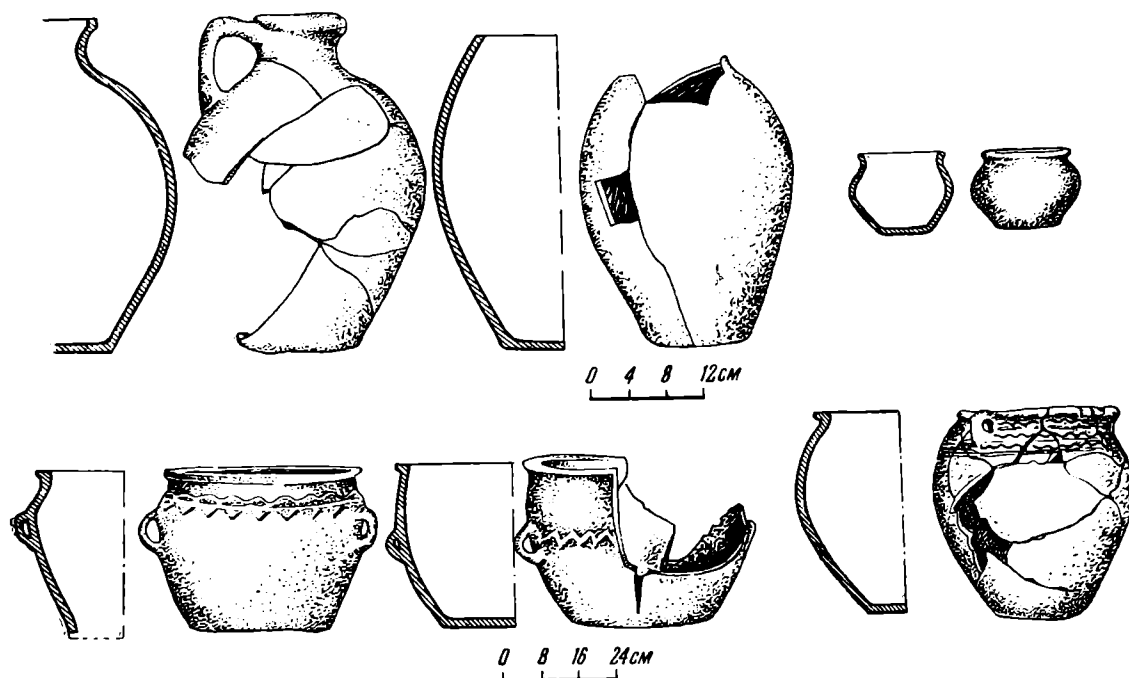

Рис. 6. Керамика из замка

яруса. Вход в пандус из переднего помещения нижнего яруса также был забит завалом свода этого помещения. Первое и второе колена нижнего коридора пандуса под сводом были заполнены многочисленными человеческими костями и черепами и глиняными сосудами, лежащими плотно без определенного порядка.

Оба колена пандуса долгое время не были полностью засыпаны. Туда собиралась дождевая вода; принесенные лёсс и песок из верхних частей здания оседали горизонтальными слоями, заполняя пространство между костяками и даже пустоты самих черепов, пока, таким образом, целиком не были заполнены оба пандусных колена до замка свода. Этот чистый и плотный осадочный лёсс, не пропускавший ни воздуха, ни влаги, прекрасно сохранил под сводами пандуса черепа и другие кости. Всего извлечено 67 черепов, из них 50 — совершенно целых. По предварительным данным, все черепа европеоидного типа принадлежат как мужчинам, так и женщинам, реже — детям. Эта находка дает значительный материал по вопросу об этногенезе населения Усрушаны.

Вместе с человеческими костями в пандусе обнаружены следующие предметы: железный серповидный нож с двумя шишками по обеим сторонам; маленький желтоглиняный горшочек, прикрытый сверху плоским камнем; крупный широкогорлый целый сосуд и обломки второго подобного сосуда, оба имеют по две маленькие ручки по бокам и двойные волнистые линии по плечу и тулову (внутри второго сосуда лежал череп); пять светильников (из них три целых, два в обломках) — четыре неполивных без ручек с широким чашеобразным резервуаром, один, покрытый поливой зеленоватого тона (имеет маленькую петлеобразную ручку); це-

лый круглодонный красноглиняный сильно закопченный котел с крутыми плечиками и довольно узким горлом; почти целый сосуд типа кувшина из желтой глины с несохранившимся верхом.

Все обнаруженные вместе с черепами сосуды (рис. 6), судя по формам и прочим признакам, датируются VII—VIII вв. Характерен факт появления единственного поливного чирага среди прочей неполивной керамики.

Таким образом, вскрытое здание в последний период своего существования состояло из трех последовательно повышающихся ярусов-этажей. Основанием здания является, по-видимому, возвышение с пологим скатом на восток. На самой поверхности возвышения была построена парадная

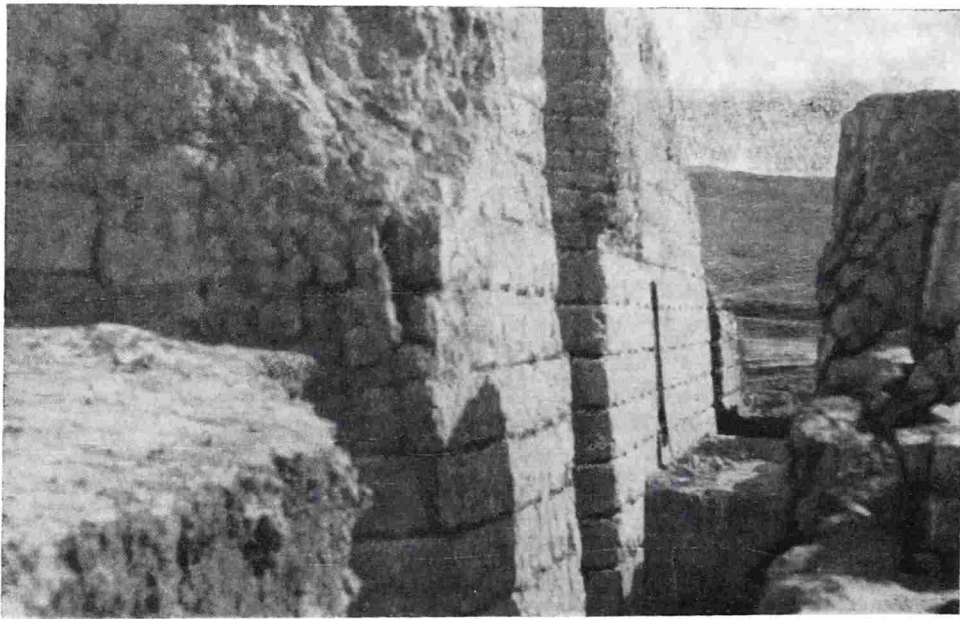

Рис. 7. Западный фасад перед последней реконструкцией замка

часть здания, состоящая из четырех помещений. Крупные центральное и западное помещения являлись жильем и местом парадных приемов владельца. Эти помещения имели суфы-лежанки, а западная — и обогревательную вымостку посреди. Стены обоих помещений были украшены многокрасочной сюжетной живописью по штукатурке, а деревянные потолки и их колонны — превосходной резьбой геометрического, растительного и фигурного орнамента. Замкнутое южное помещение, связанное с центральным, выполняло, по всей вероятности, роль хранилища домашней утвари, а через северное помещение, также связанное с центральным, вел ход в пандус, ведущий в средний и нижний ярусы здания.

Средний ярус здания составлял хозяйственную часть дома: одно из его помещений (с очагом) выполняло функции кухни, другое, несколько большее по размерам, с широкими суфами-лежанками, служило, очевидно, «комнатой прислуги» или кладовой. Помещения нижнего этажа были собственно жилыми помещениями, с удобными суфами-лежанками вдоль стен, с обогревательным очагом в центре комнаты. Помещение № 1 являлось передним помещением здания, откуда можно было попасть во все комнаты первого, второго и третьего этажей.

В 1957 г. после вскрытия всех помещений замка последнего периода его существования были начаты исследования архитектурных деталей с точки зрения истории строительства самого здания. Было выявлено, что описанный выше трехъярусный замок являлся результатом последней его реконструкции, а до этого верхний и средний ярусы представляли собой один ярус на одном уровне. При последней реконструкции уровни полов и, соответственно, стены трех западных помещений были подняты пример-

но на 1,5 м, а с запада к замку на поднятом уровне было пристроено еще одно крупное помещение, включенное в планировку трех указанных помещений. Таким образом был отделен третий ярус замка, особенно тщательно отделанный и украшенный, что придало ему парадный характер.

При пристройке упомянутого западного помещения был закрыт западный фасад первичного варианта замка. Это обстоятельство счастливо повлияло на уникальную сохранность его фасада, частично нами открытого (рис. 7). Фасадная стена сложена из блоков — слоев, состоящих из пахсового слоя и сырца-кирпича. Поверхность стены покрыта штукатуркой, которая имеет треугольные в сечении горизонтальные нарезки, расположенные в ряд (ряд коротких нарезок чередуется с рядом длинных). Эти нарезки-«пунктиры», как бы имитируя кирпичную кладку «тычком и ложком», создавали впечатление рустованной поверхности стены. Ниже выступает наклонная поверхность стилобата верхних ярусов, сложенного из рядов пахсовых блоков.

Сделанные общие наблюдения относительно истории реконструкции замка следует считать предварительными, ибо изучение архитектуры замка еще не закончено. Постройка замка и время жизни в нем датируются находками, резным деревом, росписью и архитектурными данными VII — началом IX вв. Здание может служить прекрасным образцом раннесредневекового укрепленного замка с разумной, экономной и в то же время развитой планировкой. Здание было построено прочно, монументально и просуществовало, вероятно, долго, пока не было разграблено (находок в нем мало); оно разрушено (а помещения с деревянными конструкциями сожжены) в результате какой-то чрезвычайной катастрофы, о чем говорит также закладка 67 трупов под сводами узкого коридора пандуса.

Изучение территории городища путем закладки шурфов показало, что, кроме описанного здания, внутри городища не было других построек, нет также культурного слоя на внутренней площади городища. Как уже сказано, городище было обведено стенами. Зачистка отрезка западной стены (раскоп II) позволила выяснить следующую ее структуру. Она возведена на искусственной сильно утрамбованной насыпи. Поверхность насыпи предварительно была укреплена одним рядом кладки из сырцового кирпича и крупных сырцовых глыб. Над ним стена состояла из сплошной глинобитной забивки. Конструкция верхней части стены и высота ее из-за разрушенности остается неясной. Ширина стены по ее верхнему срезу приблизительно равнялась 6,2 м.

Таким образом, проведенные работы показали, что городище II представляло собой крупный укрепленный замок, где, вероятно, постоянно жил местный правитель. Сооружение замка с такими мощными (местами двойными) стенами было под силу только крупному владельцу. Как явствует из полученного материала, замок с его обширным двором служил при неприятельских набегах также убежищем для окрестного населения.

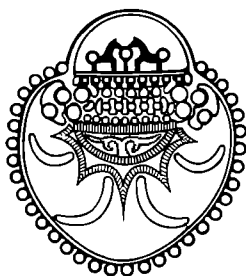
Добытый при раскопках материал позволяет до некоторой степени воссоздать картину гибели замка. Арабское завоевание было связано с колоссальными разрушениями производительных сил, культурных ценностей, гибелью целых городов. Особенно долго сопротивлялись арабскому нашествию области Усрушана и Хутталь. Первая, куда входил раннесредневековый Шахристан, была завоевана окончательно лишь в 822 г.

Мы склонны отнести катастрофу замка к последствиям именно арабского погрома. Фанатически настроенный враг-мусульманин после овладения замком перебил всех защитников и скрывавшихся в доме жителей иной веры, опустошил и сжег дом. После, в момент частичного разрушения здания, все трупы были перетащены и забиты под уцелевший свод пандуса. Окончательное разрушение здания закрыло входы в пандус и похоронило трупы.

После этой катастрофы замок никогда больше не восстанавливался и был заброшен окончательно.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

Н. Н. НЕГМАТОВ

О ЖИВОПИСИ ДВОРЦА АФШИНОВ УСТРУШАНЫ

(Предварительное сообщение)

В 1965—1972 гг. Северо-Таджикистанским археологическим отрядом Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР при участии сотрудников Мастерской реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа проводились раскопки дворца афшинов (царей) Уструшаны. Его развалины расположены на арке городища Калаи Ках-каха I, отождествляемом с шахристаном столицы Уструшаны — города Бунджиката¹.

Арк находится в восточной части городища, занимает естественное полукруглое в плане возвышение на левом берегу р. Шахристансай к западу от поселка Шахристан Ура-Тюбинского района. Как показали раскопки, основное здание было возведено на искусственном высоком глинобитном стилобате, к которому с юга, востока и севера примыкали небольшие дворовые участки, обведенные оборонительными стенами. Единственные входные ворота находились в северном конце западной стены и вели с территории городища в северный двор арка.

Дворец этот (рис. 1, 2) громаден по своим размерам, величествен по архитектуре и великолепен по внутреннему убранству помещений. Он имеет огромный, площадью 230 м², трехъярусный зал с тронной лоджией, малый зал приемов в 95 м², помещение храма, спальни и жилые покои, дворцовый арсенал, целую сеть связывающих их коридоров, а также помещения кухни и пекарни. Интерьер всех парадных помещений и коридоров был отделан богатейшей настенной многокрасочной живописью светского, батального, мифологического и культового содержания, деревянными балками, панно и фризами с мастерски выполненной разнообразной резьбой растительного, геометрического, растительно-геометрического орнамента и горельефными изображениями людей, животных, птиц и, наконец, круглой скульптурой людей и птиц. Фасадные стены центрального донжона были украшены уникальной серией жженных фигурных облицовочных кирпичей.

В залах, комнатах и коридорах дворца вдоль стен тянутся глинобитные суфы для сидения и сна, входы в спальни и жилые помещения были снабжены тамбурами с деревянными стенками-ширмами, напротив входного коридора и напротив входа в малый зал приемов выделяются специальные суфы-эстрады.

Дворец служил одновременно и местом хранения запасов продуктов питания. Вдоль обеих продольных стен входного коридора, длинной суфы центрального коридора и суф тронного зала, глубоко врыты под полом и замазаны глиной целые ряды крупных хумов. Их к 1970 г. обнаружено

¹ Н. Н. Негматов. Уструшана в древности и раннем средневековье. ТИИАиЗ АН ТаджССР, LV, Сталинабад, 1957; Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.

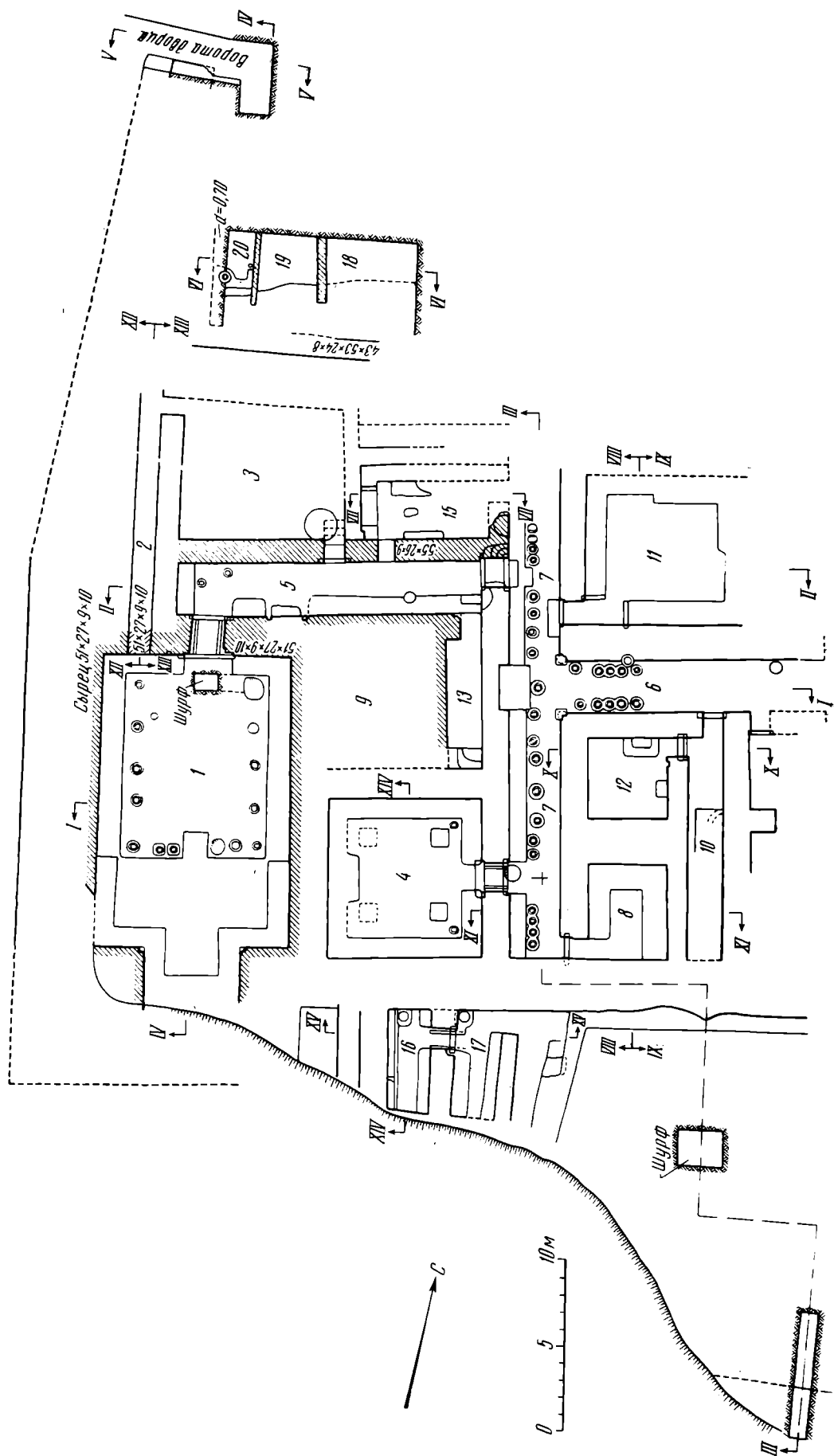

Рис. 1. Дворец афшинов Уструшаны на городище Калли Кяхкаха I. План

43 шт. Объем каждого хума от 158 до 295 л. Во дворце одновременно могло содержаться запасов пищи более 9 т.

В специальном помещении № 12 («арсенале») обнаружено более 5000 шт. камней от четверти пуда до 2—3 пудов каждый и огромное количество каменных ядрищ для камнеметных пращей величиной с кулак.

Дворец был разрушен и сгорел, повсюду толстые слои горелого дерева и обожженной глины, стены прокалены докрасна, сгорела штукатурка стен с саманом и живописным красочным слоем. Обгоревшее дерево не сгнило и сохранило прекрасные образцы резьбы, но живопись стен пострадала больше. Перед разрушением дворец был основательно разграблен: находок мало, мало даже обычно массовой кухонной и столовой керамики. Лишь в глиняной замазке пола одного из помещений найден небольшой клад раннеуструшанских бронзовых монет с изображениями мужской головы в крылатом венце на аверсе и родового знака, титула и имени правителя на реверсе. Прочитаны нумизматом О. И. Смирновой ранее не известные правители Чирдмиш, Сатачари и Раханч. Есть другие единичные находки согдийских и арабских монет².

Дворец построен, судя по находкам золотого брактеата, раннеуструшанских монет и по другим археолого-архитектурным наблюдениям, не позже VII в., а разрушен где-то в пределах конца IX в., скорее всего в 893 г. при захвате Уструшаны Исмаилом Самани (892—907 г.) и ликвидации афшинской династии³.

Дворец оказался выдающимся памятником архитектуры и искусства. Из завалов помещений дворца вынуто около 200 фрагментов обугленного резного дерева, в том числе несколько десятков подлинных шедевров. Среди последних отметим несколько круглых скульптур людей и птиц, фризы и панно с сюжетными композициями, в которых участвуют люди, животные, птицы, сирены, фризы с изображениями человеческих голов под аркадами и уникальный тимпан входного проема тронного зала с изображением сюжета древнеиранского героического эпоса о борьбе сил добра с силами зла⁴.

В завалах помещений и коридоров дворца обнаружено несколько тысяч фрагментов штукатурки стен с росписями, а на стенах много десятков квадратных метров остатков живописных сцен. Из них удастся более или менее выделить около 70 деталей с сюжетными композициями, в том числе такие, как уже известная по предварительным публикациям шестиметровая композиция с «волчицей, кормящей двух младенцев»⁵.

Многие сотни квадратных метров стенной живописи беспощадно уничтожены пожаром. Остатки ее обнаружены в пристенных завалах большого тронного зала, помещений № 5 и 11, коридора № 6, несколько больше на стенах центрального коридора № 7 и в большом количестве на всех стенах и в завале малого зала. Мы остановимся лишь на отдельных фрагментах живописи из малого зала и центрального коридора.

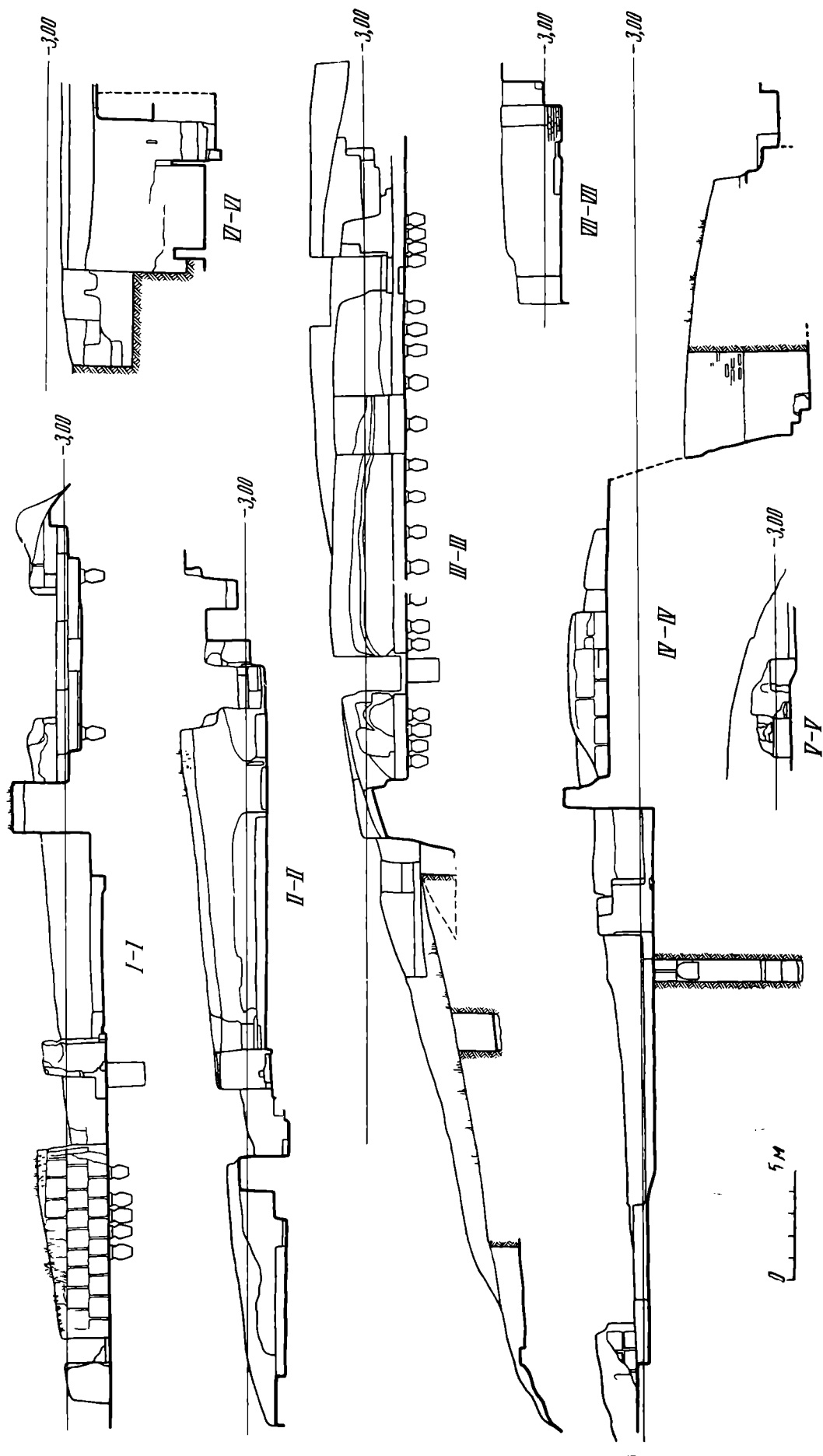
В малом зале были расписаны все четыре стены, сохранились лишь их нижние части, верхние же оказались в завале на суфах зала. Скрупулезная полевая обработка их группой реставраторов под руководством В. М. Соколовского дала замечательные результаты. Из множества мелких кусков штукатурки с живописью собраны и состыкованы десятки фрагментов росписи, предварительно составлены общие их композиции

² О. И. Смирнова. Первые монеты из Уструшаны. ЭВ, XX, Л., 1971, стр. 59—64.

³ Н. Н. Негматов. Уструшана в древности и раннем средневековье, стр. 150—151.

⁴ Н. Н. Негматов. Поэма в дереве. «Наука и жизнь», 1970, 4, стр. 54—55.

⁵ Н. Н. Негматов. «Капитолийская волчица» в Таджикистане. «Наука и жизнь», 1968, 1, стр. 33—34; его же. Эмблема Рима в живописи Уструшаны. Изв. ООИ АН ТаджССР, Душанбе, 1968, 2 (52), стр. 21—32.

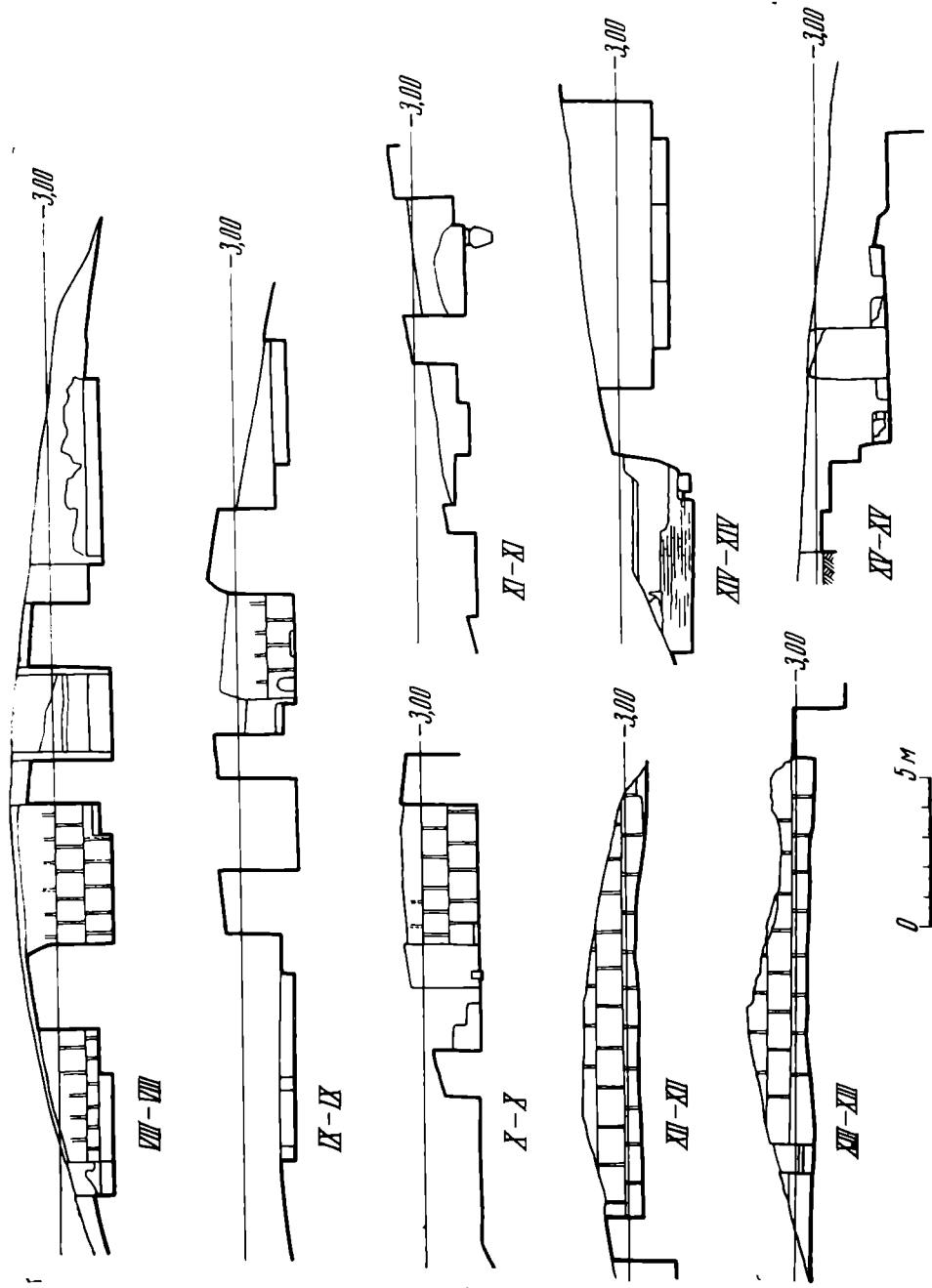

Рис. 2. Дворец афшинов
Уструшаны на городище
Калаи Кяхкаха I. Разре-
зы

на стенах, хорошо демонстрирующие возможности реставрации по восставлению целых участков стенных росписей, что позволит получить представление о характере стенописи всего зала, о ее композиции, колорите, иконографии.

Росписи выполнены на двухслойной лессовой штукатурке: первый слой толщиной до 2 см грубый с большой примесью соломы, верхний — тонко-тертый, толщиной до 5 мм, поверхность заглажена до лоска. Подготовленная под живопись поверхность стен была покрыта плотным грунтом из гача с примесью мела, поверх которой красной охрой наносился предварительный рисунок. Далее, техника живописи становится разнообразной — от почти прозрачных лессирующих прокрасок больших плоскостей до корпусного широкого мазка, подчеркивающего объемность изображений. Затем окончательная отделка росписи завершалась контурной прорисовкой темно-красной охрой.

Живопись была полихромной, широко использовались ультрамарин различных оттенков, охра, киноварь, зеленая краска из хорошо растертого малахита. В полевых условиях и в мастерской Эрмитажа были проведены научно-экспериментальные исследования по улучшению существующих методов реставрации монументальной живописи, а также технологическое изучение росписей еще до применения закрепляющих средств. Выработаны методика и приемы закрепления и снятия с места обгоревшей в результате пожара живописи. Благодаря применению нового фиксирующего материала «фторлон» впервые получена возможность сохранения фактуры и интенсивности красочного слоя.

Из композиции восточной стены малого зала ныне собраны следующие фрагменты. На первом из них изображены три скачущих всадника (рис. 3) на богато украшенных вороном, сером и белом конях. Всадники одеты в боевые одежды и шлемы, в правых руках держат длинные пики со знаменами на концах, на поясе передней фигуры висит в ножнах меч. Передняя фигура в очень экспрессивной позе, с открытым ртом и с оскаленными зубами. Под ногами коней часть распятой фигуры лежащего воина. Роспись в целом чрезвычайно выразительна, красочна, мастерски выполнена.

На втором фрагменте росписи трехголовое и четырехрукое «божество» (рис. 4), изображенное в момент сражения или поединка: в одной руке он держит лук, другой натягивает тетиву, готовясь выпустить стрелу, двумя другими руками держит наперевес копьё. На головах «божества» — одинаковые сложные короны с полумесяцем. Одета фигура в доспехи, у пояса кинжал, ниже колчан со стрелами. В одно из его левых предплечий воткнута стрела. Божество восседает на коне,двигающемся справа налево, его нога вставлена в богато орнаментированное стремя.

Третий фрагмент, обнаруженный в 1970 г., изображает «богиню» в богато орнаментированной золотой короне с полумесяцем в центре (рис. 5). От короны к плечам легкими складками опускается голубая прозрачная вуаль, в ушах массивные серьги с драгоценными камнями. Одета «богиня» в светло-голубое платье, отделанное у шеи орнаментированной золотой каймой. На плечи накинут пурпурный плащ. На груди — золотые бляшки, на одной руке браслет. Все вместе создает необычайно красивую гамму красок на глубоком темно-синем фоне всей росписи. В одной руке «богиня» держит скипетр с завершением в виде крылатого льва. Слева находится «штандарт» с навершием в виде золотой птицы, в другой руке сжимает поводья, в третьей находится какой-то предмет в виде грифона, пальцы четвертой руки сложены в символическом жесте: указательный и безымянный подняты вверх, остальные сомкнуты под ними вместе. «Богиня» была изображена в полный рост, восседающей на взнузданном льве и окруженной огненным ореолом. Лик «богини» в светло-сером нимбе с выющимися язычками бледно-желтого пламени, сосредоточенный, спокойный, с раскосыми, широко расставленными глазами, плоским носом, малень-

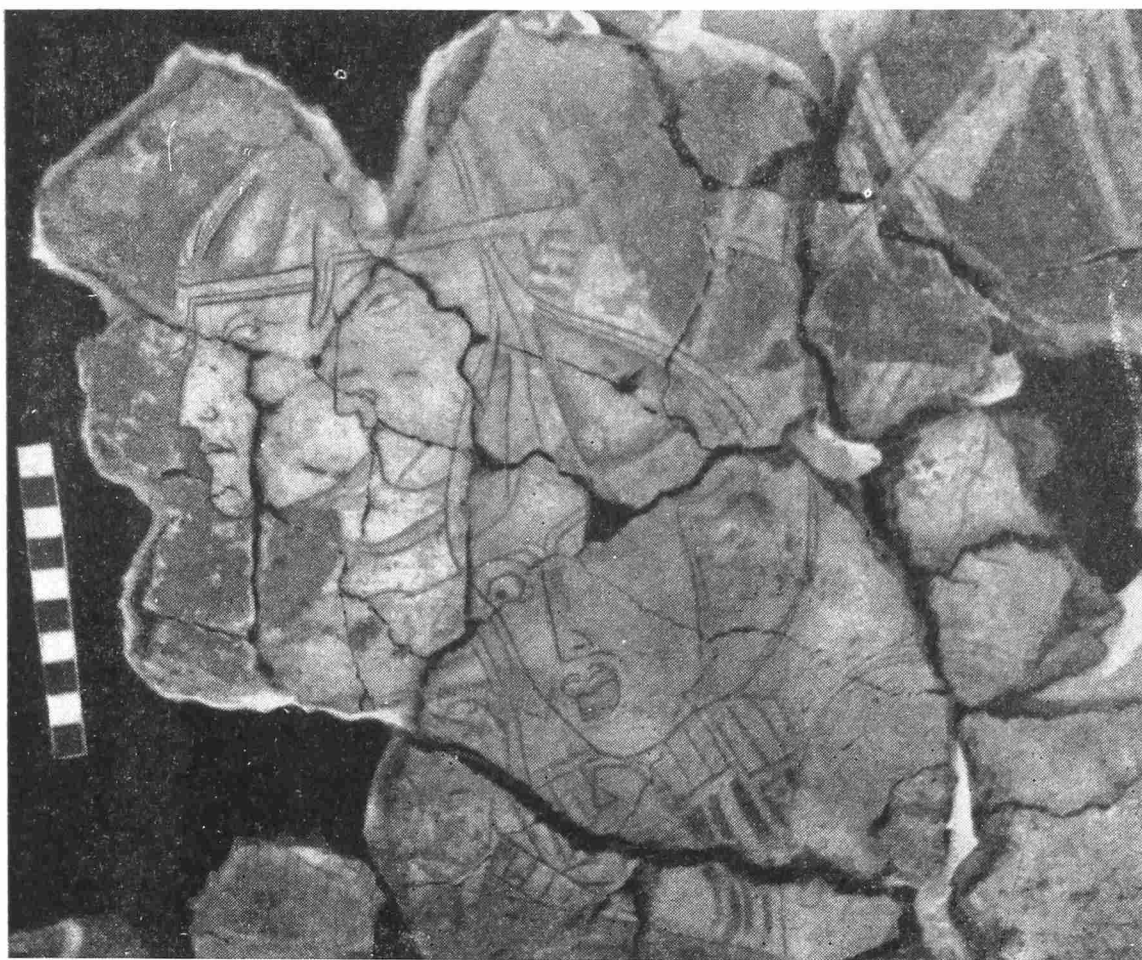

Рис. 3. Три скачущих всадника (фото до реставрации)

Рис. 4. Трехголовое и четырехрукое «Божество» (фото при расчистке стены)

Рис. 5. «Богиня». Фрагмент найден в 1970 г. (фото после реставрации)

ким в полуулыбке ртом и широким овалом лица. Слева от нее находится символ луны в виде голубого диска с антропоморфным изображением, окаймленным полумесяцем. Справа подобное изображение солнца. В среднеазиатской монументальной живописи раннего средневековья это первый случай изображения человеческого лица в «фас».

На четвертом фрагменте изображение «трехглазого демона» (рис. 6), расположенного справа от описанной «богини». Огненно-рыжая густая грива как бы обрамляет хищное, злобное, оскаленное, полное экспрессии лицо «демона». Живопись выразительна, выполнена уверенным, точным движением кисти. Цвет лица светло-серый, нос с горбинкой, глаза выпучены, третий «глаз» помещен на лбу. Над лбом и у висков «демона» находятся три белых черепа. Фигура выполнена в полный рост, в неистовых движениях танца. Мощное, мускулистое тело «демона» золотисто-зеленого цвета перевито лентой с бубенцами. В изображении «демона» цветовая контрастность усилена жесткостью линий, объемность формы сочетается с динамичной выразительностью.

Пятый фрагмент также изображает «демона», близкого описанному, но только в ином плане и с одним черепом над лбом. Вокруг головы такая же грива, тот же оскал на лице, он так же изображен пританцовывающим, его тело тоже опоясывают ленты с бубенцами. Цвет тела и лица серовато-зеленый, грива огненно-рыжая.

Другую интереснейшую группу находок в завале у этой же восточной стены малого зала составляют фрагменты с изображениями животных. Среди огромного числа разрозненных кусков штукатурки с росписью хорошо определяются изображения львов, шакалов, грифона, змеи. Все животные изображены в движении справа налево. Шествие животных было изображено и над дверным входом в зал на поверхности глиняной арки. Здесь введены дополнительно небольшие изображения дракона. Все животные выполнены в основном в теплых, охристо-желтых тонах на синем фоне.

Рис. 6. «Трехглазый демон» (фото после реставрации)

Кроме того, у восточной стены зала обнаружено несколько изображений лиц и частей фигур сражающихся воинов (рис. 7), деталей их одежды, фрагменты изображений скачущих лошадей, фрагменты голубой лошади в белых яблоках, фрагменты с орнаментом и т. д.

Предварительные наблюдения показывают, что живопись на восточной стене зала была в несколько ярусов. Внизу, над суфой, пла широкая орнаментированная панель шириной 45 см. Выше располагалась полоса

Рис. 7. Голова воина (фото до реставрации)

примерно метровой ширины с изображением сражающихся воинов, причем резко подчеркнуты отрицательные и положительные характеристики персонажей: к примеру, трехголовое божество противопоставляется демоноподобным воинам. Судя по находкам, следующий, третий ярус живописи на стене слева от входа имел культовое содержание. Верх живописной панорамы венчал орнаментальный фриз.

Живопись в целом была полихромной, яркой, с преобладанием синих и охристо-желтых тонов, неоднократно зафиксирована зеленая краска, обычно довольно редко встречаемая в живописи того времени.

Не менее интересным оказались фрагменты живописной композиции северной стены зала. Среди них следует особо отметить второе изображе-

Рис. 8. «Богиня». Фрагмент найден в 1971 г. (прорисовка до реставрации)

ние «богини» (1971 г.) (рис. 8), восседающей на взпущанном льве. Одежда и убранство полностью совпадают с первым изображением. Она четырехрукая: в одной руке держит символическое изображение солнца, в другой — луны, третьей рукой демонстрирует символический жест с двумя поднятыми пальцами, а четвертой, по-видимому, прижимает жезл к груди. Сохранность красочного слоя хорошая, хотя действие высокой температуры во время пожара дворца несколько изменило колорит росписи. Преобладающий цвет синий (ультрамарин), различных оттенков.

Рис. 9. Воин в колеснице (прорисовка до реставрации)

Рис. 10. «Крылатый воин» (прорисовка-рисунок до реставрации)

В эту композицию входит фрагмент, на котором изображен мчащийся навстречу богине в запряженной крылатыми конями колеснице коленопреклоненный воин в богатых доспехах с опущенным книзу копьем (рис. 9).

Имеются изображения крылатого и клыкастого воина (рис. 10), головы «дракона» темно-коричневого цвета, «демона» с удлиненной нижней челюстью, тел хищных птиц с золотисто-желтым оперением, изображенных перед открытой пастью дракона (рис. 11).

Очень интересны стыкующиеся фрагменты росписной штукатурки с изображением воинов-музыкантов в богатых одеждах, с мечами на ремнях пояса, в гладких полушаровидных шлемах, сидящих, поджав ноги, на ковре под балдахином и играющих на двух арфах и на лютне с коротким грифом. Роспись выдержана в очень светлых, достаточно интенсивных тонах: преобладают белый, синий, голубой и желтый цвета.

Обнаружены фрагменты с изображениями шествующих воинов (один из них хромой) (рис. 12), лежащие фигуры воинов-«демонов», воина-ветеринара с сумкой, лечащего коня (рис. 13), изображение замка (дворца). У этой же стены в завале собрано большое количество фрагментов штукатурки с изображением лиц воинов, деталей человеческих фигур и одежды, лошадей, льва, единорога, различного оружия, просто орнаментированных.

Судя по нашим наблюдениям, живопись на северной стене зала располагалась несколькими ярусами: три яруса представляли сюжетные изображения и два (верхний и нижний) орнаментальные пояса. Нижний сю-

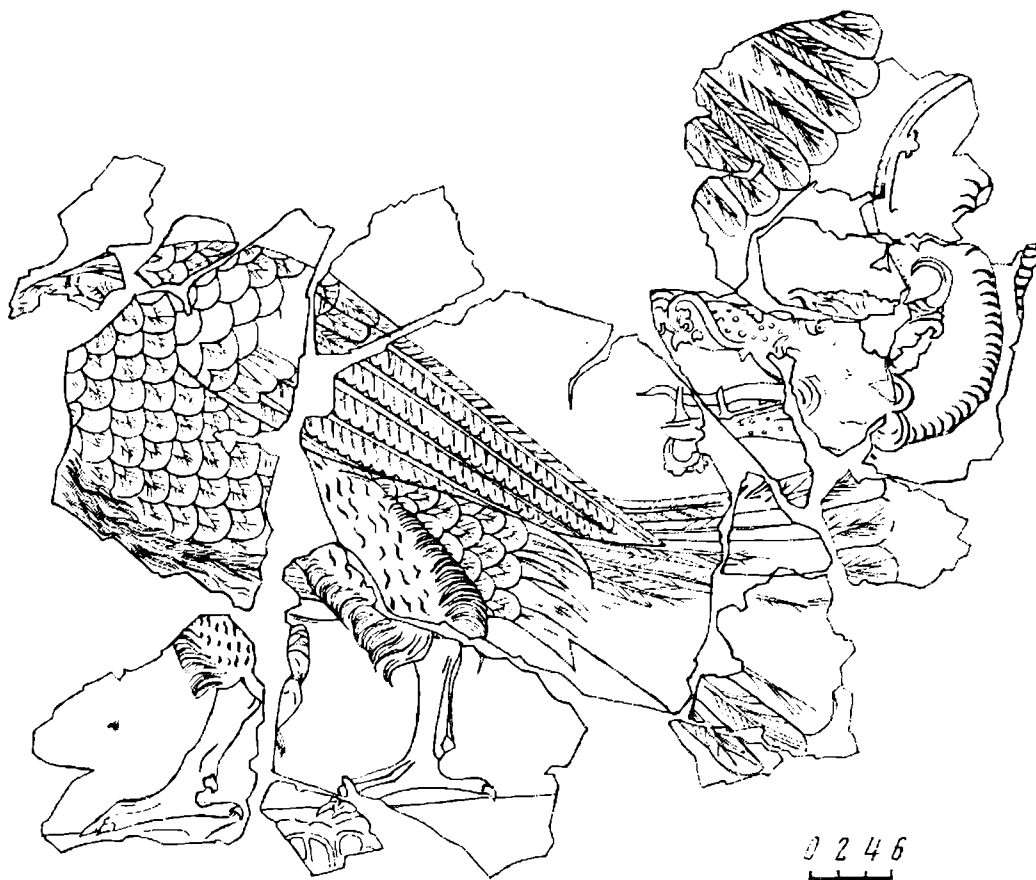

Рис. 11. Птицы и дракон (прорисовка до реставрации)

жетный ярус включал детали с изображениями сидящих под балдахином музыкантов, пирующих воинов, поверженных воинов-«демонов», замка с различными персонажами, на среднем ярусе изображены колесницы, на верхнем — шествующие фигуры.

В целом, обнаруженные детали росписей на северной стене и их фрагменты в завале у стены позволяют считать, что здесь была изображена многоярусная панорама последовательных сцен сражения.

Разумеется, реставрация и исследование обнаруженной росписи мало-го зала потребуют несколько лет, поэтому мы пока лишены возможности дать более или менее полную их художественную оценку и сюжетную характеристику. Но в данной публикации хотелось бы кратко и предварительно коснуться иконографии двух отмеченных выше изображений «богинь».

Оба фрагмента, по-видимому, изображают главную богиню местного пантеона, что подчеркивается надменно величественной позой восседания на взнузданном разъяренном льве, богатейшей одеждой, украшениями и диадемой, многорукостью и, что важнее всего, наличием антропоморфных символов главных небесных светил — солнца и луны, а также условных знаков других небесных светил (планет, звезд), изображенных на нагрудной части и на наплечниках одежды.

«Богиня» многолика. На обоих фрагментах, расположенных на стене зала недалеко друг от друга, она изображена при полной идентичности до мельчайших подробностей одежды, украшений и всех атрибутов, в двух ликах: на фрагменте, найденном в 1970 г., — с прямо смотрящим в фас

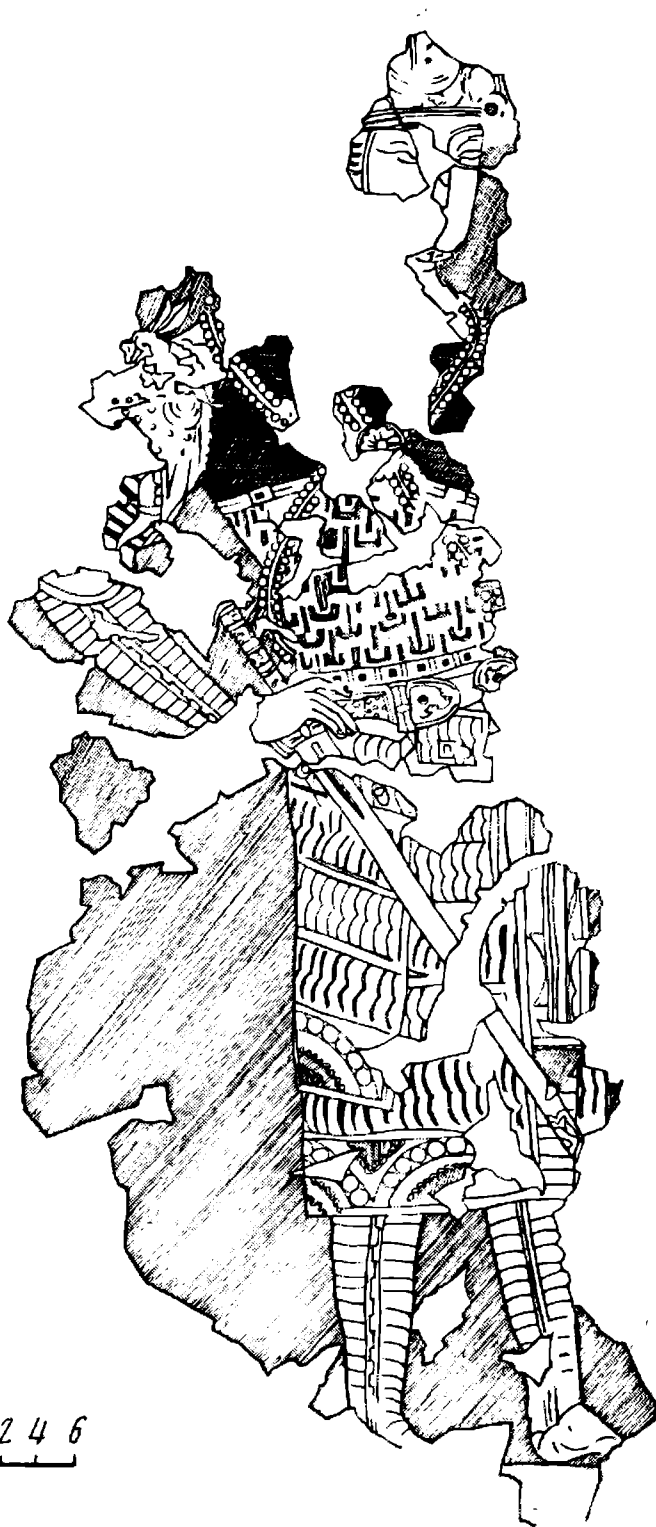

Рис. 12. Шествующий воин (прорисовка до реставрации)

плоским и чуть приплюснутым лицом, а на фрагменте, найденном в 1971 г., изображено лицо вполоборота вправо с правильными среднеазиатского типа чертами. Заметим, что эта многоликость «богини» связана, видимо, с участием ее в каких-то разных сюжетных ситуациях, которые, вероятно, удастся понять после завершения реставрации всей обнаруженной живописи и возможно полной состыковки всех сцен.

Из атрибутов «богини» на фрагменте 1971 г. наиболее конкретно изображены диск луны с женским, вполоборота вправо, лицом в короне, увен-

Рис. 13. Воин-ветеринар, лечащий коня (прорисовка до реставрации)

чаный полумесяцем, и солнечный диск с изображением лица в фас. Причем первое изображение очень близко лику самой «богини», представленной на этом фрагменте, а второе — лику «богини», изображенной на фрагменте, найденном в 1970 г. Оба символа «богиня» держит на открытых вверх ладонях широко разведенных в стороны рук: в правой — луну, в левой — солнце.

Антропоморфные и символические изображения солнечного и лунного божеств, других планет и звезд нередко встречаются в памятниках искусства и материальной культуры Средней Азии. Подобные изображения мы имеем на стенных росписях древнего Пенджикента, хорезмских серебряных чашах, погребальных оссуариях и известной карабулакской бронзовой пластинке — подвеске, относящихся к периоду поздней античности и раннего средневековья⁶. Лунное божество в полный рост с полумесяцем за плечами и надписью Мао или Селена часто изображалось на кушанских монетах. Ю. Д. Баруздиным и А. М. Беленицким уже сделана сводка встречающихся на монетах эллинистической Западной Азии и Северной Африки, древнего Рима и Персиды, кушан, парфян, сасанидов, эфталитов главных эмблем указанных божеств — лучистого венца и полумесяца⁷.

⁶ Сб. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, стр. 53 сл. табл. XX—XXII; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVIII—XIX; Н. Веселовский. Еще об оссуариях. ЗВОРАО, XVIII, 1907, стр. 178, табл. VII, 5; А. Я. Борисов. К проблеме согдийского искусства. СГЭ, 3, 1945, стр. 10; Ю. Д. Баруздин и А. М. Беленицкий. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника. КСИА, 86, 1961, стр. 21—27.

⁷ Ю. Д. Баруздин и А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 24—26.

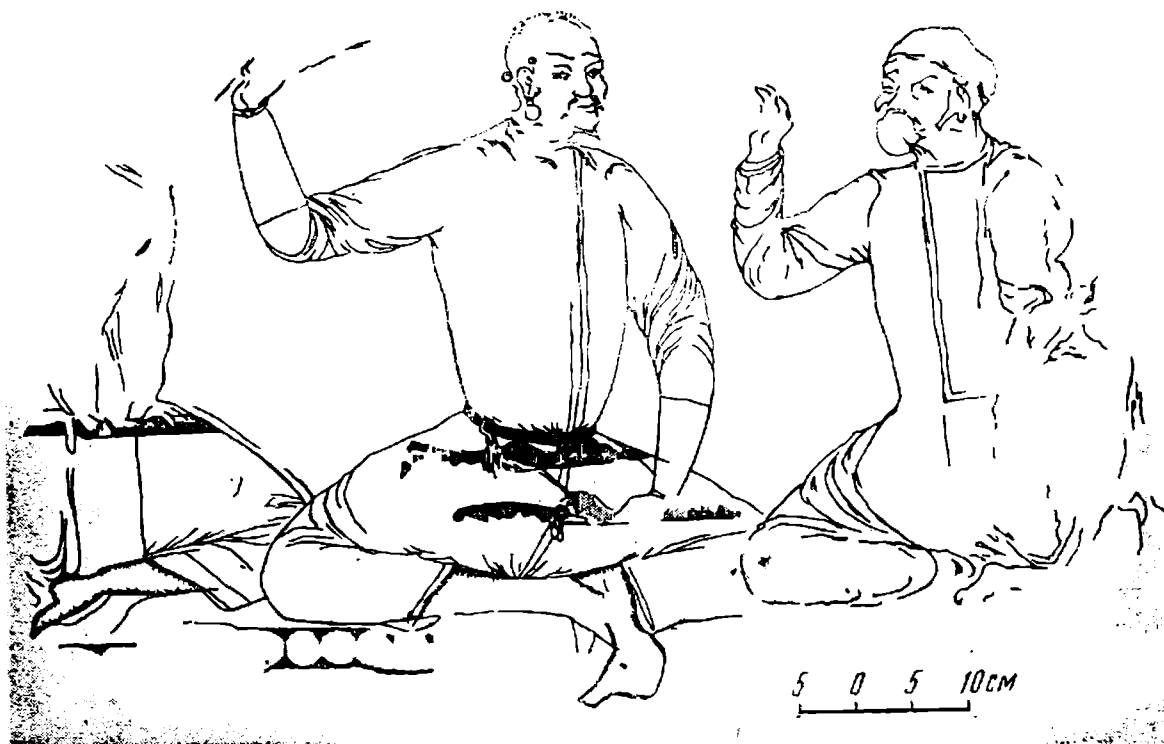

Рис. 14. «Военный совет» (прорисовка)

Есть определенные свидетельства Геродота (1,215), китайских⁸ и других источников о поклонении древних среднеазиатских народов небу и небесным светилам. Ю. Д. Баруздиным и А. М. Беленицким уже интерпретировано интересное в этом же плане сообщение историка религии аш-Шахристани (XI в.) о древнем храме Каусан, посвященном солнцу и находящемся в столице соседней с Уструшаной области Фергана, построенном, как полагают, в кушанское время и разрушенном при арабском аббасидском халифе ал-Мутасиме (833—842 гг.)⁹.

Думается, что эти великолепные образцы живописи Уструшаны займут свое достойное место в кругу памятников искусства древнего Востока.

Из композиций живописи центрального коридора дворца кратко рассмотрим одну сцену. Она расположена на западной стене коридора в его южном конце.

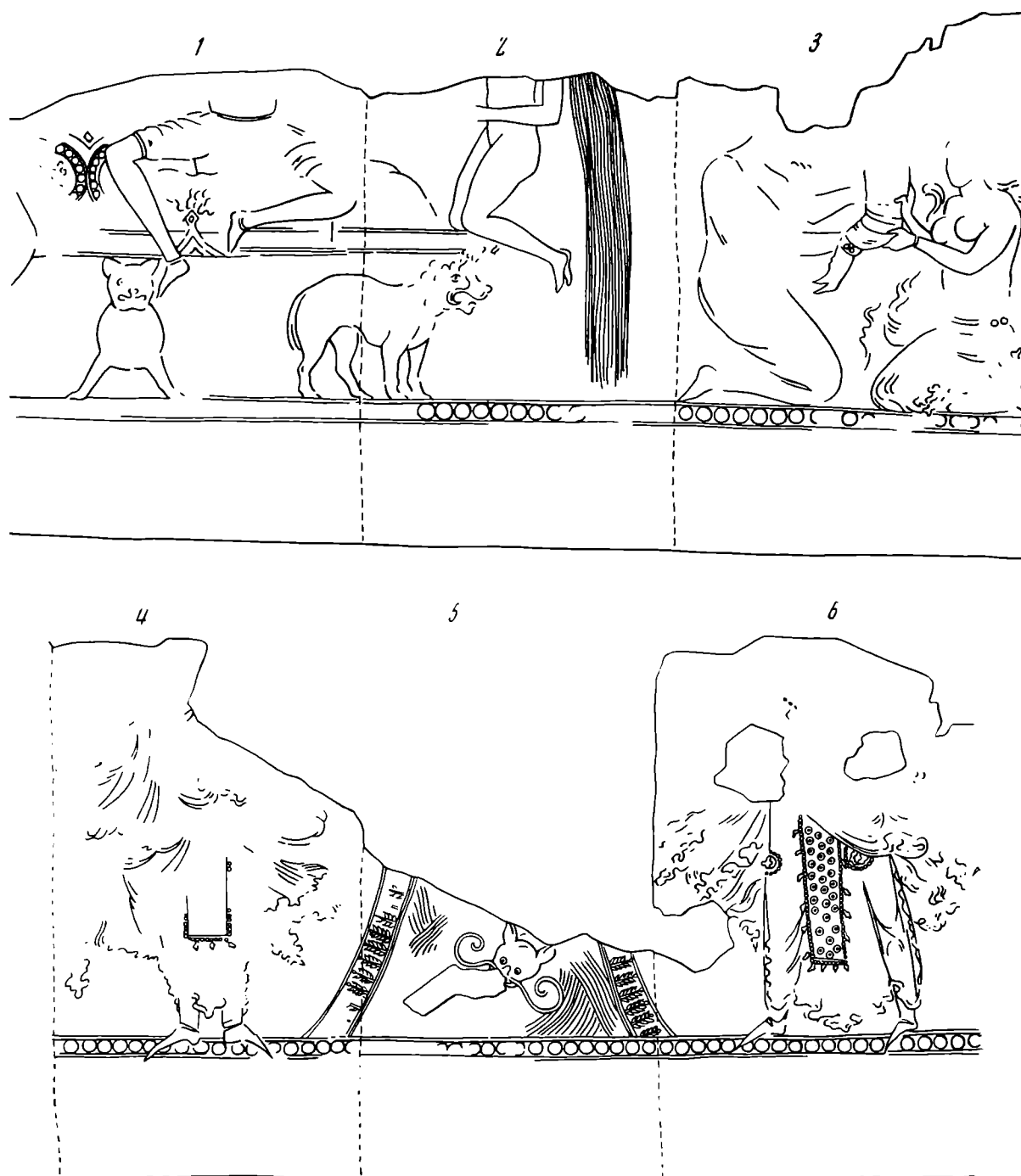
Эта композиция, названная условно «Военный совет», занимает поверхность стены длиной 120, высотой 85 см и включает изображение трех лиц, сидящих в «восточной позе» с скрещенными поджатыми ногами (рис. 14).

Изображения всех фигур в той или иной степени повреждены, но особенно пострадала фигура слева, от которой сохранились лишь левая нога и часть туловища в кафтане с кинжалом на поясе. Не сохранились левая рука и левое бедро у фигуры, расположенной с правой стороны.

Фигура в центре изображает воина в длинном кафтане, низко перехваченном поясом, на котором подвешены кинжал и меч с серебристыми рукоятками. Рукава кафтана полусасучены, даны в складках. Лево́й рукой воин держит ножны меча, правая рука полусогнута, поднята вверх и ладонью обращена в противоположную сторону. Лицо широкое, округлой формы, чуть скуластое: оно обращено к правой фигуре. Глаза небольшие,

⁸ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.—Л., 1950, стр. 313.

⁹ Ю. Д. Баруздин и А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 27.

впалые, несколько прищурены, дуги бровей высоко подняты. По уголкам рта свисают тонкие недлинные усы, губы сомкнуты, чуть выступающий вперед подбородок с клинообразной, несколько оттопыренной бородкой. Головной убор отсутствует, на затылке за правым ухом виднеется что-то вроде локона волос, на мочке правого уха — круглая подвеска, а на запястье правой руки — браслет. Ноги обуты в сапоги с низкими голенищами, но широкими пятками и носками.

Средний мужчина изображен пожилым, но достаточно статным и сильным. Его крепкая фигура, особенно руки, обведена уверенными, четкими линиями киноварного тона. Полуобратясь, но почтительно и внимательно слушает своего правого собеседника.

Собеседник справа старше по возрасту, у него старческие черты лица и слабый взмах полусогнутой приподнятой правой руки. Изображен он тоже в кафтане, несколько иного, свободного покроя, закрывающего фи-

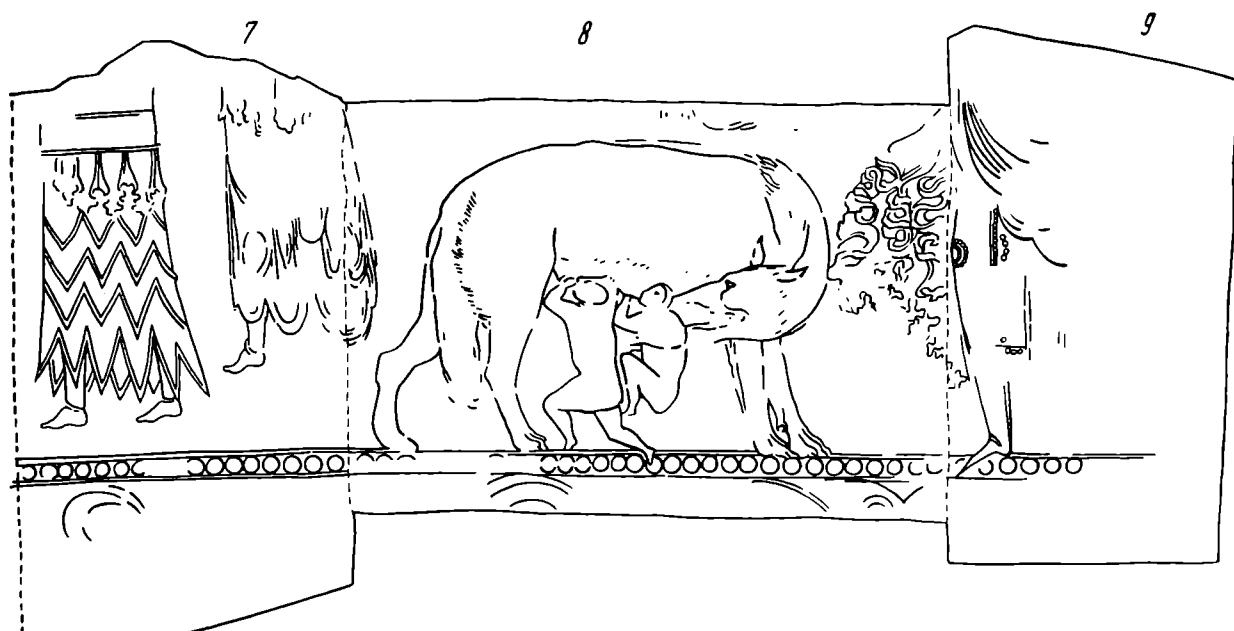

Рис. 15. Живописная композиция «Волчица, кормящая двух младенцев» (прорисовка)

гуру до запястий рук и ног, без пояса и оружия. Фигура чуть выдвинута вперед, поднятая правая рука обращена ладонью, так же как и лицо, к центральной фигуре — воину. На голове плотно облегающий гладкий убор, из-под которого за левым ухом редкие волосы. Рот и подбородок повреждены. Линии глаз и бровей подчеркнуты слабо. Лоб в морщинах, лицо также чуть скуластое. Черты лица старца этнически близки воину.

Контуры фигур и кафтанов, а также более подробно проработанные черты лиц и складки одежды выполнены киноварью уверенными и энергичными линиями, которые полностью выдержали действие огня. Пояса на фигурах, кинжалы, меч и обувь имеют темную окраску, а общий фон росписи выглядит в настоящее время оранжевым.

Роспись написана безусловно талантливым художником, с большим мастерством и очень профессионально. В изображениях ощущается большая простота и естественность поз, легкость и живость движений, близость к натуре. Замысел художника — передача реальной беседы представителей светской и военной знати. В центре внимания живописца одновременно и сам человек, как определенная индивидуальность (может быть, даже реальный портрет), и положение человека в обществе. Последнее подчеркивается возрастом и характером одежды, а также оружием. Вместе с тем в определенной статичности фигур, жестов рук, характерных позах и в стремлении подчеркнуть положение изображенного в обществе чувствуется соблюдение условностей канона, характерного для изобразительного искусства Средней Азии эпохи раннего средневековья.

Вторая шестиметровая композиция, получившая по своей заключительной сцене название «Волчица, кормящая двух младенцев», представляет собой выдающееся произведение искусства с точно раскрывающимся сюжетом (рис. 15; рис. 16 см. на вклейке к стр. 57).

Композиция состоит из пяти сцен, включающих сидящего на тахте правителя (1, 2), женщину с запеленатым ребенком на руках и мужчину, отнимающего ребенка у женщины (3), «реки» с плавающим в ней существом (4, 5), группу наблюдающих за событием лиц (6, 7) и волчицу, кормящую двух младенцев (8, 9). Причем последняя сцена точно повторяет принятую официальную эмблему города Рима, изображенную на многочисленных памятниках римского искусства, на римских монетах, визан-

тийских золотых брактеатах, сасанидских геммах, недавно изданных А. Биваром¹⁰.

Уструшанская фреска — первое воспроизведение такого сюжета в живописи Востока. Интерпретация этого сюжета — тема специальных исследований, отдельной статьи.

Развернутый художественный, стилистический, технологический и иконографический анализ всей живописи дворца позволит в будущем выявить место этого памятника в культуре и искусстве Средней Азии и всего Востока. Сейчас в предварительном порядке можно отметить, что живопись Уструшаны, хотя и имеет много близких параллелей с живописным искусством Согда и Тохаристана, однако в ней отчетливо чувствуется самобытный колорит, почерк, стиль и сюжет. Изображения многих персонажей живописи уструшанского дворца поражают своей определенной конкретностью, и хочется надеяться, что их подробное изучение позволит раскрыть в них портреты реально существовавших лиц.

N. N. Négmátov

DE LA PEINTURE DU PALAIS ROYAL D'OÜSTROUCHÂNA
(COMMUNICATION PRÉLIMINAIRE)

Résumé

Le palais des rois (afchins) d'Oûstrouchâna dégagé par les fouilles de 1965—1972 sur le territoire de l'agglomération fortifiée Kalai-Kakhkakh (Tadjikistan de Sud) — chakristan de la ville Boundjikat — est un monument éminent de l'architecture et de l'art des VII—IX siècles. Le palais comprenait salle à trois galeries et à loggia de trône, petite salle de réception, oratoire, chambres à coucher, locaux à usage d'habitation, salle d'arme, couloirs, cuisines et boulangeries. L'intérieur de toutes les salles d'apparat, des locaux et des couloirs était décoré par une richissime peinture murale polychrome, des constructions architecturales en bois, des panneaux et des frises merveilleusement sculptés. L'article donne la description d'un nombre de ces monuments de la peinture le palais dont les chefs l'oeuvre comme les compositions d'une louve allaitant deux nourrissons (une composition presque romaine), des déesses à quatre bras avec les symboles du soleil et de la lune, des démons, des guerriers etc.

¹⁰ A. D. Bivar. A Parthian Amulet. Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London. XXX, 3, 1967, p. 512—525.